

А.И. Алексеев

91(с19)к

А.471

ОХОТСК-
КОЛЫБЕЛЬ
РУССКОГО
ТИХООКЕАНСКОГО
ФЛОТА

91 (C19)

A 47.

А. И. Алексеев

Камчатская областная библио-
тека. Отдел Краеведения.

Хабаровское книжное издательство

1958

Героическими подвигами русского народа отмечена вся история исследования и освоения Дальнего Востока. Огромная роль в этом славном деле принадлежала русскому военному и торговому Тихоокеанскому флоту, существующему более двухсот лет.

Теперь мало кому известно, что обыкновенный поселок на Охотском побережье — Охотск вплоть до конца первой половины XIX в. являлся центром всей тихоокеанской жизни России, колыбелью зародившегося в начале XVIII в. русского Тихоокеанского флота. Из Охотска отправлялись многочисленные русские экспедиции на Курильские и Алеутские острова, в Японию и в Северную Америку. Охотск в течение всего этого времени был не только единственным портом, но и культурным центром России на Тихом океане.

Об истории Охотска, о зарождении и развитии русского Тихоокеанского флота рассказывает настоящая книга.

Когда идешь по сплошь галечным улицам и переулкам Охотска, в памяти невольно встает более чем трехсотлетняя история этого как будто обычного поселка, каких много сейчас на побережье Охотского моря. Охотск — самый древний и в течение длительного времени единственный порт России на Тихом океане — играл чрезвычайно важную роль для налаживания морских путей на Дальнем Востоке до тех пор, пока в результате изменения международной обстановки в конце первой половины XIX в., в результате исследований Амурской экспедиции Г. И. Невельского не появились другие пути.

Охотск по праву считается родиной русского кораблестроения на Дальнем Востоке, колыбелью русского Тихоокеанского флота. Трудно найти такой морской поход промышленника-купца, такую экспедицию, организованную по указам правительства, которая не была бы связана с историей Охотска, не была бы организована в Охотске, не выходила бы в свой далекий путь из Охотска. С начала XVIII в. Охотск стал отправным пунктом всех экспедиций, произведших многочисленные исследования на Тихом океане и открывших с запада Северную Америку.

Трехсотлетнюю историю Охотского порта и, следовательно, историю Тихоокеанского флота легче просле-

дить, если условно разделить ее на четыре основных этапа.

Первый этап — период возникновения Охотского острога, как пункта, наиболее удобного для управления всем прибрежным Охотским краем, для дальнейшего продвижения в сторону Пенжинского моря и Камчатки, как начального пункта, наиболее удобного, хотя и трудного пути сообщения с Якутией.

Второй этап — самый важный и существенный — следует начинать с 1716 г., когда на охотских верфях были построены первые морские суда, на которых Никифор Треска и Козьма Соколов совершили плавание на Камчатку, открыв тем самым морской путь на полуостров. В это время Охотск достиг наибольшего расцвета как порт и стал подлинным центром экономики, культуры и просвещения на дальнем востоке России.

Третий этап — период запустения Охотска, наступившего после переноса порта в Петропавловск-на-Камчатке в 1850—1852 гг., и одновременно период бурного роста военного и торгового флотов на Тихом океане. Этот период продолжался вплоть до установления Советской власти на Охотском побережье, после чего начался четвертый этап, когда Охотск стал одним из главных дальневосточных центров рыболовства. Здесь размещен один из крупнейших в стране рыбных трестов — Охотский государственный рыбный трест. Ведутся работы по устройству хорошо оборудованного порта.

Говоря об истории зарождения Тихоокеанского флота, нельзя обойти историю Охотска. Настоящая книга является попыткой показать историю зарождения и развития Тихоокеанского военного и торгового флотов и вместе с тем историю Охотска — первого порта России на Тихом океане.

При работе над книгой автор, помимо литературных источников, использовал материалы Архива внешней политики России (АВПР), Центрального государственного

архива древних актов (ЦГАДА), Центрального государственного архива Военно-Морского Флота (ЦГА ВМФ), а также частично Иркутского областного и Якутского республиканского архивов. Сотрудникам этих архивов автор приносит искреннюю благодарность.

Автор считает своим долгом поблагодарить за большую помощь в подборе литературы и материалов библиографа Государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина П. Г. Гранскую и за ценные советы и указания ученого секретаря Приамурского филиала Географического общества СССР А. А. Степанова, кандидата исторических наук Н. И. Рябова, кандидата исторических наук М. И. Белова, члена-корреспондента Академии педагогических наук РСФСР А. И. Соловьева. Автор приносит особую благодарность профессору Д. М. Лебедеву, взявшему на себя труд просмотреть настоящую работу.

Открытие морского пути из Охотска на Камчатку

Одновременно с тем, что казаки и промышленники прочно обосновывались на берегах Охотского моря и распространяли свое влияние на юг до реки Уды и на восток — до Тауйской губы, землепроходцы самого крайнего северо-востока Азии морем и сушей прокладывали пути на Чукотку, на реку Анадырь и оттуда на Камчатку. Из Анадырского острога, основанного Семеном Дежневым, они неуклонно и настойчиво шли на юг и сравнительно скоро достигли Камчатки. В настоящее время известно, что самые ранние походы русских на Камчатку

¹ Памятники Сибирской истории XVIII века, кн. II, 1885. Прибавления к т. I, док. 117, стр. 487, 489.

относятся к 1686—1688 гг. Это походы Ивана Голыгина, Василия Кузнецова, Луки Морозко и других¹.

Исторический поход Владимира Васильевича Атласова позволил считать Камчатку окончательно присоединенной к владениям России. В этом великая заслуга Атласова и его товарищей. Во время похода Атласов основал Верхне-Камчатское зимовье. В 1700 г. приказчиком Кобелевым, посланным из Якутска на Камчатку, был основан Большерецкий острог.

Походы русских людей из Якутска на Камчатку стали со времени Атласова обычным делом. Но все они проходили сухим путем, вдоль берега Охотского моря, в обход Пенжинского залива, требовали много времени (примерно полгода от Якутска до Анадырского острога) и, кроме того, были чрезвычайно трудны как для самих путешественников, так и для местных жителей, которым приходилось обеспечивать приезжающих всем необходимым. С 1703 по 1716 г. на пути из Анадырска на Камчатку погибло около 200 человек. Поэтому возник вопрос об отыскании морского пути на Камчатку. Выгоды такого пути были очевидны.

В 1710 г. сибирский губернатор В. И. Гагарин в инструкции от 17 марта предписывал якутскому воеводе Д. А. Траурнихту: «С Ламы проводывать чрез море путь на Камчатку»². Во исполнение этого приказа Траурнихт в наказе от 9 сентября 1710 г. якутскому казачьему десятнику Василию Савостьянову, посылаемому на Камчатку, предписал наряду с другими заданиями «проводывать пути к Тауйскому и Ламскому острогам через Ламское море русскими людьми и ясачными иноземцы, как мочно»³, то есть морской путь из Камчатки на северо-западное побережье Охотского моря, минуя Пенжинский залив.

Вслед за этим Траурнихт в 1711 г. послал охотского приказчика Петра Гуторова, который, добравшись до Тауйского острога, сделал попытку достичь оттуда Камчатки морем. Подготовка к этому походу была тщательная, но из-за отсутствия опыта в мореходном деле у самого Гу-

¹ Летопись Севера, т. 2, М., 1957, стр. 99—100. Статья М. И. Белова «Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку».

² Памятники Сибирской истории, т. II, док. 121, стр. 522.

³ Там же, т. I, док. 99.

торова, отсутствия мореходов, мореходных инструментов, в частности компаса, поход этот не дал желаемых результатов. Гуторову на ботах-однодеревках — судах, совершенно не приспособленных к дальним морским плаваниям и малонадежных, с большим трудом удалось добраться до устья реки Иглиган (ныне река Сиглан); здесь он закончил свое плавание, хотя из его донесения, написанного на березовой коре, видно, что он собирался проникнуть в Пенжинскую губу¹.

Но на этом не были прекращены попытки отыскать морской путь на Камчатку. Вопрос этот становился жизненно необходимым и требовал скорейшего разрешения. Дело дошло до правительства, и в 1713 г. последовал указ Петра I об отыскании морского пути на Камчатку. Исполняя этот приказ, сибирский губернатор Гагарин предписал якутскому воеводе Ельчину «послать из Якутска в Камчатку сына боярского с 12 казаками через Ламу. С Ламы ему идти с людьми в Камчатку морем». Дополнительно от себя Гагарин приписал посылать не охотников, а по очереди, «ибо дело нужное, и по возвращении пожалованы будут чинами и богатством».

Выбор руководителя похода был весьма неудачен. Сын боярский Иван Сорокоумов, нерадиво отнесшийся перед этим (1709—1710 гг.) к выполнению приказа об осмотре Шантарских островов, и сейчас совершил свой поход в Охотск без всякой пользы. Подойдя к острогу, он без видимой причины взял его боем, а вслед за тем, вместо принятия мер к выполнению приказа, предался пьянству и грабежам.

Получив сведения о бездеятельности Сорокоумова, Гагарин принялся за организацию новой экспедиции по отысканию морского пути на Камчатку. Благодаря помощи правительства экспедиции придавался широкий размах. Петр I приказал послать из Петербурга в Охотск опытных мореходов — выходцев из Архангельска. Это было необходимо, так как все прежние попытки достичь Камчатки морем, помимо всего прочего, были обречены на неудачу из-за отсутствия опытных мореходов и кораблестроителей. В Сибирь, по распоряжению губернатора, были посланы мореходы Кондратий Мошков, Никифор

¹ Летопись занятий в Археологической комиссии, в. I, 1862, стр. 12—14.

Треска, Иван Бутин, Яков Невейцын, плотники-кораблестроители Кирилл Плоских, Варфоломей Федоров, Иван Каргопол и голландский матрос Андрей Буш¹. Начальником новой экспедиции был поставлен якутский казак Козьма Соколов, к которому и обращена наказная память. По организации подготовки видно было, что она рассчитана не только на одну экспедицию, а на то, чтобы наладить регулярную связь морем Охотского острога с Камчаткой.

В Охотск были отправлены нужные материалы для строительства судна: три железных якоря, 600 аршин парусного холста, различные тросы, боевые запасы (порох и свинец), плотницкие инструменты и материалы. В наказной памяти Козьме Соколову предписывалось, не теряя времени, «у Ламского моря... построить теми присланными плотники морские суда... с теми мореходцы и с плотники и с служилыми людьми итти через Ламское море на Камчатский Нос без всякого одержания». Участникам экспедиции обещались после выполнения наказа всевозможные награды; но, «а буде вы в том пути учнете нерадение и мешкоту чинить для каких своих прихотей, или, не хотя великому государю служить, в тот путь вскоре не пойдете, или не быв на Камчатке и не взяв на Камчатке от государевых людей ведения, возвратитесь, и за то вам, по указу великого государя, быть в смертной казни без всякого милосердия и пощады».

Мореходы прибыли в Якутск 23 мая 1714 г., а 3 июля уже вся экспедиция во главе с Соколовым отправилась из Якутска в Охотский острог. По прибытии туда Соколов прежде всего отправил в Якутск продолжавшего бездействовать Ивана Сорокоумова² вместе с его командой, а сам энергично принялся за организацию похода. Было приступлено к закладке судна типа северных мореходных лодий. Для этого выбрали место в 75 верстах вверх по течению реки Кухтуй. Там образовалось плотбище, получившее название Соколовского. Постройкой судна руко-

¹ Матрос Андрей (Генрик) Буш — голландец. Служил несколько лет в разных государствах матросом. Был в Швеции рейтаром и попал в плен под Выборгом в 1706 г. В Сибири остался добровольно по договору. (Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, апрельский номер, Спб., 1758, стр. 317).

² Сорокоумов по прибытии в Якутск был заключен в острог, где умер в 1718 г. Команда его послана в Анадырский острог.

водил Кирилл Плоских с помощниками Иваном Каргополом и Варфоломеем Федоровым.

Весь 1715 г. прошел в усиленных сборах к экспедиции и в постройке лодьи. На следующий год работу закончили, и в мае 1716 г. лодью спустили на воду. Она была сделана «наподобие русских лодий, на которых прежде сего из Архангельского города ходили в Мезень, в Пустозерский острог и на Новую Землю»¹. Судно было прочным, хорошо держалось на волне и слушалось руля. Длина его составляла 8½ сажень, ширина — 3 сажени. Осадка в полном грузу 3½ фута. Получилось настоящее морское судно с учетом современных требований. Оно было во многих отношениях лучше, мореходнее, чем строившиеся здесь до того кочи и боты-однодеревки. Это было первое морское судно, созданное русскими мастерами на берегах Тихого океана. Охотский острог стал родиной отечественного судостроения на Дальнем Востоке.

Лодья получила название «Восток», что вполне соответствовало ее назначению². К июню 1716 г. экспедиция была готова к отправлению в далекий поход. Мореходом экспедиции, или, говоря современным языком, штурманом, был поставлен Никифор Моисеев Треска. В состав команды входили мореходы Яков Власов Невейцын и Андрей Буш, плотник Варфоломей Федоров и 21 человек служилых во главе с Михайлом Кривоносовым.

В июне 1716 г. «Восток» вышел из первого русского тихоокеанского порта Охотска в первый поход по Охотскому морю на Камчатку.

Несмотря на компас, имевшийся на лодье, мореплаватели плыли в видимости берега, который все время смотрел на них своими угрюмыми высокими скалами, редко перемежающимися небольшими песчаными пляжами и речными долинами. Одно неосторожное движение в управлении судном — и можно было оказаться в опасном соседстве с каменистым берегом. Особую осторожность надо было соблюдать и потому, что никаких мореходных

карт Охотского моря не было. Приходилось больше доверяться собственному «морскому чутью» и рассказам служилых, уже бывавших в этих местах. В таких условиях самой ответственной была роль мореходов во главе с Никифором Треской.

Мореплаватели благополучно прошли до Тауйской губы, правя все время на северо-восток. Так добрались до реки Олы. Выйдя оттуда за полуостров, называемый теперь Кони, решили по-прежнему править на северо-восток, но тут судно попало в полосу свежего ветра, дувшего по направлению к Камчатке, и, подхваченное им, вскоре оказалось неподалеку от устья реки Тигиль, на виду мыса Утколокского (или, может быть, Омгона). Берег оказался крутым и каменистым, жителей не было видно, и потому подходить к берегу не решились.

Но не так скоро удалось попасть на землю. Охотское море оправдало свою славу бурного, изменчивого моря. Ветер переменился, задул с большей силой и отнес путешественников снова к противоположному — охотскому — берегу, почти туда, откуда они пришли. Чтобы не выбросило на берег, пришлось отдавать якорь и отстаиваться в ожидании прекращения шторма.

Когда погода наконец улучшилась, судно снялось с якоря, добралось до устья реки Тигиль и встало там на якорь. Несколько казаков пошли к видневшимся вдалеке юртам. Но, очевидно напуганные видом приближающегося к берегу судна, жители разбежались. В юртах никого не было, и казаки возвратились. Судно снова снялось с якоря и через день подошло к устью реки Хариузовки. Здесь подойти к берегу не удалось, и, проведя всю ночь в море, судно на следующий день прибыло к реке Ича. И тут также не оказалось ни одной живой души. Даже юрт здесь не увидели.

Тронулись в дальнейший путь вдоль берега. У реки Крутогоровой казаки встретили «камчадалскую девку, которая на поле собирала коренья на пищу». С ее помощью разыскали камчадалские юрты, в которых оказались и казаки, собиравшие ясак. Некоторые из них служили проводниками при вводе судна в устье реки Компаковой. О возвращении обратно в Охотск в этом году не могло быть и речи. Решили остаться на зимовку. За это время можно было основательно подготовиться к переходу в обратный путь, учтя опыт прошедшего похода. Но

¹ Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных. Спб, 1758, стр. 318.

² Н. Н. Зубов в книге «Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов», Географиздат, 1954, стр. 54, приводит название «Охота». Мы сообщаем название из записок капитана Тимофея Шмалева, ЦГАДА, портф. Миллера, 539, ч. I, д. 12, л. 1.

уже теперь можно было сказать, что первое мореходное судно выдержало испытание.

Во время пребывания на Камчатке Соколову вместе с его казаками пришлось помочь местным казакам сместить управителя Камчатки Александра Петриловского, занимавшегося вымогательством и грабежом не только местных жителей, но и своих казаков. Управитель не гнушался ничем. В ход шли кандалы, кнуты, батоги, а иногда и пытки. При аресте у Петриловского было отобрано огромное количество ценной пушнины, из которой 5 669 шкурок одних только соболей.

Возвратившись из Нижне-Камчатска, куда он ездил зимой, Соколов начал готовить судно к выходу в море. Все наказы, данные в «Памяти», были выполнены, можно было отправляться обратно.

После тщательных приготовлений в мае 1717 г. Соколов вывел судно из устья реки Компаковой, и мореход Треска взял курс к Тауйской губе. Но на море еще было много льда, и на четвертый день плавания судно оказалось окруженным им со всех сторон. Наступили тяжелые дни, недели ледяного плена. Можно было предусмотреть, что угодно, но не это. Стало совсем тепло, а льды не таяли и таскали с собой затертое судно. Кончились все съестные припасы. Питались только нерпой.

Пять с половиной недель продолжалось вынужденное скитание со льдом по морю. Наконец льды расступились, и судно смогло продолжать путь к Тауйской губе. Когда подошли к берегу между рекой Олой и Тауйским острогом, пришлось встать на якорь для кратковременного отдыха, настолько команда была измучена борьбой со льдами. После нескольких дней стоянки двинулись в путь вдоль берега. 8 июля судно прибыло в Охотск. Морской путь на Камчатку был открыт. Значение этого открытия трудно преувеличить. После похода экспедиции Соколова и Трески началось регулярное сообщение Охотска с различными местами Камчатки, чаще всего с Большерецком.

Если раньше для местных нужд на побережье Охотского моря строились кочи и шитики и строились так хорошо, что Филиппову, Стадухину и многим другим удалось совершить на них морские походы вдоль всего северного и западного побережий Охотского моря, то теперь Охотск фактически становился не острогом, а подлинным портом России на Тихом океане. Отсюда отправлялись

суда, сюда они приходили из плаваний по морю, на охотских верфях они и строились. Тихоокеанский морской флот начинал получать права гражданства.

Мореход Никифор Моисеев Треска, еще долгие годы проплававший в Охотском море, несомненно играл основную роль во время самого похода как моряк, отлично знающий свое дело. Через много лет В. Беринг писал своему помощнику по Камчатской экспедиции М. Шпанбергу, набиравшему людей для похода в Японию: «...обре-тающейся де ныне при экспедиции мореход Никифор Треска бывал немалое время здесь мореплаванием до Камчатки и даже до осмаго на десять японского острова, и между островов глубокия места, тако ж берега и земли, губы и гавани, лежащая при море около Камчатки, может де быть не безызвестен, а в случившуюся де на море великую погоду рулем править умеет и в таких местах потребен он быть у вас необходимо вожем»¹.

Треска принадлежит к тем людям, которые должны по праву стоять в одном ряду с Москвитиным, Поярковым, Стадухиным, Хабаровым, Дежневым. На протяжении свыше двух десятков лет он каждую навигацию уходил в море, участвовал во многих, если не сказать во всех, экспедициях того времени, выходящих из Охотска. В Охотске у него был собственный дом на южной части Охотской кошки, выходящей к морю, здесь он и жил все время, пока бывал на берегу. Надо полагать, что была и семья.

Из именного списка морских чинов, находившихся на ноябрь 1739 г. в составе экспедиции Шпанберга, видно, что мореход Никифор Треска был в ней. По возвращении в 1739 г. из плавания к берегам Японии он оставался при Охотском портовом правлении. Так, про него, про попа Анисима Аврамова и кузнеца Максима Коновалова сказано, что они «оставлены при Охоцку того для что они охоцкие жители»². К сожалению, проследить его жизнь после участия в экспедиции Беринга пока не представилось возможным.

Треска управлял судном совместно с Я. Невейцыным и А. Бушем. Оба они, так же, как и Треска, участвовали

¹ Экспедиция Беринга. Сб. документов под ред. Покровского, М., 1941, стр. 217. Письмо Беринга Шпанбергу от 15 апреля 1738 г.
² ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 43, лл. 179, 185.

во многих плаваниях по Охотскому морю. Невейцын был участником Большого Камчатского наряда, а Буш плавал с Евреиновым и Лужиным. 7 августа 1735 г. Буш просил уволить его за старостью. Отставка ему была дана, и известно, что в 1736 г. его видели в Якутске, ходившим по миру¹. Так часто кончалась жизнь людей, которые своими подвигами вписывали новые страницы в летопись славных дел России.

Но все это, конечно, не значит, что Треске и его помощникам следует отдавать всю честь первооткрывателей морского пути на Камчатку. Казак Соколов также разбирался в морском деле. После него осталась карта похода, к сожалению до сих пор не найденная. Но главная заслуга Соколова — в организации самого похода и доведении его до конца, что было делом нелегким. По окончании экспедиции Козьма Соколов сдал судно охотскому приказчику, а сам отправился в Якутск, где вскоре, в сентябре 1717 г., умер.

Эту экспедицию, имевшую большое значение в развитии мореходства на Тихом океане и в географических знаниях, следует называть экспедицией Соколова — Трески, по именам главных организаторов и руководителей и замечательных мореходов, впервые проплывших в Камчатку и показавших путь другим.

Великий русский поэт А. С. Пушкин писал об экспедиции Соколова — Трески: «Открытие пути через Пенжинское море имело важное следствие для Камчатки. Суда с казаками приходили ежегодно: экспедиции следовали одна за другою»².

Еще большее значение эта экспедиция имела для Охотска.

¹ ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 14, лл. 232, 236.

² А. С. Пушкин. Соч., т. V, 1938, стр. 444.

СОДЕРЖАНИЕ

Выход русских на Тихий океан	6
Начало Охотска	14
Открытие морского пути из Охотска на Камчатку	26
Охотск — порт	34
Охотск — центр строительства Тихоокеанского флота	59
Охотск — начало пути в Северную Америку	77
Охотск и первые русские кругосветные мореплавания	100
Перенос порта	120
От Охотска до Владивостока	136
Заключение	149
Хронологическая таблица Охотского порта	154